

17
ТОМОВ
ПОНИМАНИЯ
ВСЕГО

Евгений Потемкин

Евгений Потемкин

17 ТОМОВ ПОНИМАНИЯ ВСЕГО

«Автор»

2026

Потемкин Е.

17 ТОМОВ ПОНИМАНИЯ ВСЕГО / Е. Потемкин — «Автор»,
2026

То, что вы держите в руках (или на экране), не является учебником физики. Это не религиозный трактат и не философский манифест в привычном понимании. Это онтологическое исследование, в котором геометрия встречается с лингвистикой, а квантовая механика — с биологией эндосимбиоза. В основе этой работы лежит простая, но радикальная идея: ****Форма первичнее заполнения.**** Пространство, материя, время — это не абсолютные данности. Это результат глубокого процесса самоосознания Единства, которому стало скучно смотреть на себя в зеркало. В этом томе вы не найдете готовых истин. Мы начнем с той точки, где физика молчит, потому что ее измерительные приборы не работают, — с `?^?`, Поэтому, открывая этот текст, отбросьте желание "понять" его как механизм. Просто позвольте ему прозвучать внутри вас как вопрос. Если в конце пути у вас останутся только вопросы — значит, книга выполнила свою задачу. Ведь ****пока вы спрашиваете — вы есть.****

© Потемкин Е., 2026

© Автор, 2026

Евгений Потемкин

17 ТОМОВ ПОНИМАНИЯ ВСЕГО

ТОМ 1 ЕДИНСТВО

Предисловие. Как я начал

Я сидел на кухне.

Третий час ночи. Чай остыл — не просто остыл, а стал тем самым бурым, с плёночкой сверху, который пить уже нельзя, но выливать жалко, потому что ты его заваривал с надеждой. Холодильник гудел. Не просто гудел — гудел так, как гудит только в три часа ночи, когда весь дом спит и этот гул становится единственным доказательством того, что электричество ещё существует, что мир не выключили, что тебя не забыли.

Соседи сверху наконец перестали сверлить. Я не знаю, что они сверлили. Третий месяц. Может, они сверлили дыру в другое измерение. Может, у них там ремонт, который никогда не кончится, потому что ремонт — это тоже форма, которая не хочет умирать.

Москва спала. Только я — нет.

На столе лежал лист бумаги. Чистый. Белый. Страшный. Знаете, есть такой страх — не темноты, не высоты. Страх чистого листа. Потому что чистый лист — это вопрос, на который ты обязан ответить, а ответа у тебя нет.

Я смотрел на него уже час. Может, два. Строчка, которую я написал первой, была зачёркнута. Вторая — тоже. Третья. Четвёртая.

«В начале был...»

Не получалось. Потому что «был» — это уже прошлое. А «в начале» — это уже время. А время — это потом. В начале не было времени. Был... что?

Я заварил новый чай. Посмотрел в окно. За окном — звёзды. Москва, конечно, не даёт увидеть Млечный Путь. Оранжевый смог висит над городом, как крышка над кастрюлей. Но несколько звёзд всё-таки пробивались. Упрямые. Как и я.

Я смотрел на них и думал: если в начале не было времени — что было?

И тогда я вспомнил: «В начале было Слово».

Это не богословие, сказанное нараспев в храме, где пахнет ладаном и воском. Это физика. Сказанная за три тысячи лет до коллайдера. Человек, у которого вместо детектора была палка-копалка, а вместо телескопа — небо над головой, увидел то же, что видим мы, глядя на распределение галактик: различие первичное вещества.

Слово — это не ярлык. Не бирка, которую вешают на вещь в магазине. Слово — это нож. Которым мы вырезаем форму из бесформенного.

Я взял ручку. Рука дрожала — не от страха, от того самого чувства, когда ты знаешь, что сейчас скажешь что-то, чего ещё никто не говорил. Или говорил, но не так. Или так, но не тебе.

Я написал: «В начале было Слово».

Это была не первая строчка книги. Это была первая строчка — всего.

Глава 1. Вопрос в степени Вопроса

С чего начинается мир?

Ты смотришь на небо и видишь звёзды. Но звёзды — это уже следствие. Уже результат. Уже ответ. А я спрашиваю: что было до ответа?

До звёзд была материя. До материи — кварки. До кварков — поля. До полей — сингулярность. А до сингулярности?

Вопрос, на который у физики нет ответа. Потому что физика начинается с того момента, когда есть что измерять. А до этого — нечего измерять. Линейка не работает. Часы не тикают. Даже «ничего» — это уже что-то, потому что ты сказал «ничего», а значит, различил.

Поэтому физика молчит. И правильно делает. Молчание — это честность.

Но я не физик. Я — онтолог. И я не молчу. Я спрашиваю: что было до сингулярности?

И отвечаю: «?^?».

Не «слово». Не «мысль». Не «бытие». А ?^?. Вопрос в степени вопроса.

Знаете, я раньше писал иначе. Раньше я писал: ноль в степени ноль. 0. Красиво. Математично. Холодно. Предел x^x в степени x при x се, стремящемся к нулю, равен единице. Самосохранение. Гравитация. Стягивание.

А потом я понял: ноль — это стена. Ноль говорит: «меня нет». Ноль — это отсутствие, которое притворяется присутствием.

А вопрос — это дверь. Вопрос говорит: «а что если?» И в этом «а что если» — вся Вселенная.

?^? — это не неопределённость в математическом смысле. Не «мы не знаем». Это живая неопределённость. Это свобода. Это пространство, в котором может появиться всё. Это Единство, которое ещё не решило, быть ему нулём или единицей, мыслью или бытием, скукой или танцем.

И вот здесь — самое важное. Самое смешное и самое страшное.

Единство смотрело на себя. В зеркало. Вечно. Бесконечно. И ему стало скучно.

Не хаос. Не взрыв. Не «да будет свет». Скука.

Смотреть самому на себя, любимого, в зеркало достаточно долго — скучно. И эта скука — не слабость. Это двигатель. Термодинамический двигатель Вселенной. Потому что максимальная энтропия — это не хаос. Максимальная энтропия — это максимальная скука. Всё усреднено. Всё одинаково. Смотреть не на что.

И Единство рябнуло. Исказило отражение. Сместило. И это не деградация. Это жизнь.

Вселенная возникла не из взрыва. Вселенная возникла из зевка. Единство посмотрело на себя, зевнуло и сказало: «Ну, хватит. Давай что-нибудь новенькое».

И это был первый миг.

Космология описывает инфляцию: кратковременный период экспоненциального расширения. Причина — высокоэнергетический вакуум. Мы переводим: инфляция — это момент, когда ?^? решает стать формой. Это первое действие Воли быть. Первый такт перехода. Единство перестало зевать и начало танцевать.

ДОПОЛНЕНИЕ. ПЕНРОУЗ. «Я НЕ ЗНАЮ» КАК ВЕРШИНА ЧЕСТНОСТИ

Пенроуз на пороге смерти говорит: «Я не знаю».

Не «я верю». Не «я не верю». Не «я доказал».

«Я не знаю».

И это не слабость. Это вершина. Потому что «я не знаю» —

это и есть `?^?`. Это Вопрос в степени Вопроса, который не пытается стать Ответом. Который не стыдится быть Вопросом. Атеист хочет чистую и аккуратную уверенность, что за физическим миром ничего нет. Верующий хочет тёплую уверенность, что что-то есть. Оба перестали искать. А Пенроуз не перестал. Он живёт внутри вопроса. Не устраивает лагерь внутри ответа. И вот что из этого следует. «Я не знаю» — это не пустота. Это Авось. Это право не знать и всё равно идти. Это Четвёртое измерение метода. Пока ты говоришь «я не знаю» — ты Горячая геометрия. Как только ты говоришь «я знаю» — ты становишься Холодной. Кристаллизуешься. Замираешь. Умираешь. «Я не знаю» — это дыхание. А дыхание — это жизнь.

Глава 2. Шесть свойств Единства

Теперь — самое трудное. Я должен объяснить, что такое Единство. И не просто объяснить — сделать это так, чтобы ты понял. Не умом. Нутром. Животом. Тем местом, где у пятилетнего ребёнка живёт уверенность, что мир есть, что он настоящий, что мама вернётся.

Я мог бы сказать: «Единство — это то, что есть, когда нет второго». И это было бы правильно. И совершенно бесполезно. Потому что ты не знаешь, что значит «нет второго». Ты никогда не жил без второго. У тебя всегда был кто-то рядом. Мама. Стена. Воздух. Темнота за окном.

Представь, что ты — шар. Не в плоскости. Не на рисунке. В пространстве. Ты — шар. И вокруг тебя — ничего. Нет стен. Нет неба. Нет земли. Нет других шаров. Нет света. Нет тьмы. Ты — есть. Ты — одна сущность.

Что ты чувствуешь?

Ничего? Нет. Ты чувствуешь полноту. Ты — есть. И это «есть» — не пустота. Это наполненность. Ты полон. Чем? Собой. Как стакан, который полон водой до краёв, и вода не выплёскивается, потому что ей некуда выплёскиваться.

И в этой полноте — шесть свойств. Шесть дней творения. Шесть направлений в пространстве. Шесть струн у гитары, на которой можно сыграть любую мелодию.

Первое свойство. Полнота.

Ты — шар. Но не в пространстве. Ты — само пространство. У тебя нет границ. Нет внешнего. Всё, что есть — это ты. И ты — полон. Не «заполнен». Не «наполнен». Полон. Как океан, у которого нет берега. Как Вселенная, которая не имеет края.

Но полнота — это не неподвижность. Это напряжение. Как у пружины. Она полна, но она хочет распрямиться. Полнота — это желание. Не проявиться. А стать явной. Потому что полнота, которая не знает себя, — не полнота. Она — забытость. А полнота не хочет забывать себя. Она хочет помнить. А чтобы помнить — нужно проявиться.

Второе свойство. Нейтральность.

Ты — полнота. Но у тебя нет заряда. Нет плюса. Нет минуса. Ты — нейтрален.

Как вода. До того, как её заморозили или нагрели. Она — просто вода. Не лёд. Не пар. Вода. Потенциальность. Заряд появляется потом. Заряд — это паспорт. А пока — до паспорта. До имени. До даты рождения.

Нейтральность — не отсутствие. Нейтральность — возможность. Это чистый лист, который ещё не решил, будет ли он письмом, рисунком или бумажным самолётиком.

Третье свойство. Суета.

Ты — полнота. Ты — нейтрален. И вдруг — дрожь.

Не хаос. Не бегство. Дрожь. Как дрожит чайная ложка на краю чашки, когда ты задел стол. Как дрожит лист перед тем, как упасть. Как дрожит воздух перед грозой, когда ещё ничего не случилось, но ты уже знаешь.

Это — суета. Внутреннее движение.

Физика назовёт это спином. Но спин — это слово для тех, кто измеряет. А суета — это слово для тех, кто чувствует. Ещё нет вращения. Есть дрожь. Предвкушение. Единство ёрзает. Ему не сидится. Оно хочет.

Вакуум никогда не бывает пустым. В нём постоянно рождаются и исчезают виртуальные частицы. Это физическое воплощение Суеты — внутреннего движения, предшествующего форме.

Четвёртое свойство. Непротиворечивость.

Ты — полнота. Ты — нейтрален. Ты — суетишься. Но ты не распадаешься. Потому что ты — непротиворечив.

Не в смысле логики. Не в смысле «А не равно не-А». В смысле — не разрываешься на части. Не разбиваешься на острова. Ты держишь себя. Как круг. Он замкнут. Но замкнутость — не ограничение. Это условие целостности. Без замкнутости — лужа. С замкнутостью — капля. А капля — это уже форма.

Пятое свойство. Упорядоченность.

Ты — полнота. Ты — нейтрален. Ты — суетишься. Ты — непротиворечив. И вдруг — порядок.

Не навязанный. Не сверху. Выросший изнутри. Как кристалл. Как снежинка. Как дерево, которое не знает чертежа, но растёт по закону. Упорядоченность — это не схема. Это способ расти. Не по плану. По внутреннему закону. По тому, что ты есть.

Шестое свойство. Спонтанность.

Ты — полнота. Ты — нейтрален. Ты — суетишься. Ты — непротиворечив. Ты — упорядочен. И вдруг — искра.

То, что не вытекает из предыдущего. То, что возникает как сюрприз. Как первый звук. Как рождение. Как смех ребёнка, который не знает, почему ему смешно, но смеётся всем телом.

Это — спонтанность. Источник этой спонтанности — ?^?. Не ноль. Не единица. Живой вопрос, из которого может родиться различие.

Шесть свойств. Может быть, их больше. Может быть, кто-то увидит седьмое. Тогда модель пересоберётся. Онтология — не догма. Она — живая. Как енот, который тащит в нору всё блестящее и не знает, зачем, но тащит.

Глава 2-бис. РАСЩЕПЛЕНИЕ ТЕТРАЭДРА. ГЕОМЕТРИЯ РАЗМНОЖЕНИЯ

Тетраэдр не статичен. Тетраэдр растёт. Смотри. Тетраэдр с ребром $1a$ — это первоэлемент. Минимальная устойчивость. Но он не остаётся собой. Он растёт до ребра $2a$.

И тогда на сцену выходит слабое взаимодействие. Четыре плоскости, проходящие через центры рёбер, раскалывают большой тетраэдр. Результат: четыре тетраэдра с ребром $1a$ и один октаэдр с ребром $1a$ в центре.

Объём сходится: исходный тетраэдр с ребром $2a = 8v$. Четыре тетраэдра по $1v = 4v$. Октаэдр $= 4v$. Итого $8v$. Ни одного кубического ангстрема не пропало.

Но вот что важно. Октаэдр имеет объём $4v$. Тетраэдр с тем же ребром имеет объём $1v$. Казалось бы — четыре тетраэдра должны влезть в октаэдр. Но они не влезают. Форма не позволяет. Треугольные грани не стыкуются с квадратными сечениями. Это и есть паспорт октаэдра. Заряд минус один — это не «отрицательный тетраэдр». Это геометрический запрет на вложение.

Октаэдр — это не-тетраэдр. И вот что из этого следует. Тетраэдры удваиваются, трескаются, размножаются. А октаэдры только раздуваются. Мы всегда имеем октаэдры с размером рёбер от $1a$ до $2a$. Доля «двойных» тетраэдров постоянно уменьшается. А внутри этих октаэдров могут спонтанно рождаться тетраэдры размером $1a$. И тогда там начинается свой процесс. Своя вселенная внутри дырки.

Не может ли таким же образом внутри микроба рождаться архей? И митохондрия не была проглочена, а сама родилась внутри? Это не метафора. Это геометрия размножения.

Глава 3. Единство — это слово, в котором живёт глагол

Теперь — самое странное. Самое неожиданное. То, от которого у меня самого, когда я это увидел, сел чайник.

Я сказал тогда: Единство равно один плюс суть. И пошёл дальше. А потом остановился. Потому что это не этимология. Это операционная система всей книги.

Смотрите.

«Один» — числительное. Статика. То, что есть. Одно. Целое. Неделимое. Парменид.

«Суть» — а вот тут начинается бездна. В русском языке «суть» — это две вещи одновременно. Архаическая форма глагола «быть» во множественном числе: они суть, то есть они есть. И существительное: суть дела, эссенция, сердцевина, то, ради чего всё.

Значит, слово «Единство» буквально говорит: Одно, которое есть, и одновременно Одно, которое и есть сердцевина. Существительное, внутри которого спрятан глагол. Форма, внутри которой спрятано действие.

И вот что из этого следует.

Первотолчок — не событие. Первотолчок — это грамматика. Разрыв между существительным и глаголом. Между «что» и «делает». Между формой и актом. Единство — это существительное. А быть — глагол. И в момент, когда существительное начинает глаголить, рождается Вселенная.

Не взрыв. Не флуктуация. Спряжение. Единство просклоняло себя. И из падежей выпало пространство.

В физике нельзя делить на ноль. В лингвистике можно сказать «ничего нет» — и это будет осмысленное предложение, в котором глагол «есть» утверждает собственное отсутствие. Язык умеет ноль в степени ноль. Математика — нет.

Первая строка книги: Единство — это слово, в котором существительное не может удержаться от глагола. И этот глагол — быть. И это быть — суетливо, нетерпеливо, спонтанно. Оно не просто есть. Оно ёрзает. Оно хочет. И это хочет — не добавка к бытию. Это и есть бытие. Потому что быть без хотения — это не быть. Это находиться. А быть — это действовать.

Глава 4. Три оси как подарок

Три степени свободы.

Творец нам обеспечил. Или предложил. Или наградил. Три слова. Я сам не выбрал. Я сказал все три. И это не нерешительность. Это богословие.

Обеспечил — значит, это необходимость. Без трёх осей нет объёма. Нет пространства. Нет «где». Две оси дают плоскость. На плоскости нельзя жить. Нельзя спрятаться. Нельзя повернуться. Нельзя быть внутри. Две оси — это тень. Три — это тело.

Предложил — значит, это выбор. Не аксиома. Не закон. Творец предложил. Мог предложить две. Мог предложить семь. Мог предложить дробное число осей. Но предложил три. И Единство согласилось. Или не согласилось. Но приняло.

Наградил — значит, это дар. Не заслуженный. Не выстраданный. Не логически необходимый. Подарок. Как ребёнку дарят игрушку не потому, что он её заработал. А потому что хотят, чтобы он играл.

И вот что из этого следует.

Три оси — это не геометрия. Это любовь. Пространство трёхмерно не потому, что так удобно. А потому что Творец хотел, чтобы у Единства было место для игры. Для ряби. Для спирали. Для излома. Для того, чтобы повернуться и увидеть себя с другой стороны.

Две оси — это зеркало. Плоское. Скучное. Четыре и больше — это слишком много свободы. Хаос. Невозможность собрать себя. Три — это ровно столько, чтобы можно было запутаться и распутаться. Спираль. Хиральность. Левое и правое. Вдох и выдох.

А время — четвёртая ось?

Нет. Время — не ось. Время — взгляд. Три оси — это сцена. А время — это то, как Единство водит по сцене глазами. Не четвёртое измерение. Четвёртое свойство. Не координата. Способность. Способность пространства изменяться.

Эйнштейн склеил сцену и взгляд в одно. Пространство-время. Континуум. Четырёхмерный блок. Красиво. Работает. Предсказывает.

А мы их разделили. И сказали: сцена — здесь. А взгляд — там. Не внутри сцены. Не поверх сцены. А извне. Из того места, где Единство ещё не решило, куда смотреть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.